

Несуществующие истории



Несуществующие
ИСТОРИИ

Трофимов Юрий

18+

Трофимов Юрий

Юрий Трофимов
Несуществующие истории

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Трофимов Ю.

Несуществующие истории / Ю. Трофимов — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Если Вы не можете представить, что чувствует человек, оказавшись в теле кота. Если Вы не знаете, что такое скитаться по параллельным мирам. Если Вы хотите узнать, что такое магия и волшебство. И наконец, если Вы не знаете, что такое любовь, то милости прошу в мою книгу.

Содержание

Несуществующие истории	5
Два дня в теле кота	6
Лабиринт судьбы	11
Другой мир	17
Часть вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Несуществующие истории
Редакция:

Щербакова Инесса

Два дня в теле кота

Сегодня снова на работу, подумал я, открыв глаза, башка трещит, как после боя с Тайсоном. Вчера мы в баре сильно увлеклись, мы днюху Мишки отмечали, надрались, блин, как будто в последний раз бухали.

Как же мне плохо, похмелиться бы, так ведь нельзя, на работу идти, шеф ещё с утра нагоняй влепит за несделанный отчет. Ну что же мне так плохо то, а ведь мне всего-то двадцать пять, а похмелье, как у прожжённого алкаша.

Хорошо хоть отец с матерью меня таким не видели, хоть и живем в одной квартире. Пришёл я поздно, они уже спали, а на работу они всегда раньше меня уходят, так что дома только я и наш кот, который увидев, что я проснулся, сразу мяукать начал, кормить его, видите ли, пора. Любимый мамин кот, только орет громко, а голова и так разрывается на части.

Ну, значит, пытаюсь встать и накормить этого бешеного кота. Иду на кухню, беру корм, а самого шатает. Наклоняюсь к лотку корм насыпать, в голове как-то сразу закружилось, ноги меня не удержали, подогнулись, и вот я падаю и шарахаюсь бедной своей головой об пол, и в глазах сразу темно и тишина...

Очнулся я от того, что у меня сильно чешется нога. Открываю глаза, а передо мной пушистый хвост моего кота, пытаюсь его убрать рукой, но вижу, что кот лапой хвост от моего лица убирает. Не понял, это же я рукой двигал! Поворачиваю голову, а передо мной... что? Передо мной лежу я с закрытыми глазами, как такое может быть? Вскрываю на ноги и кидаюсь к себе родному, упираюсь лапами себе в грудь и пытаюсь трясти. СТОП! Лапами... лапами... аааааа, какие лапы? Поднимаю одну – рассматриваю, точно лапа, бегу к зеркалу, смотрюсь в него и чуть не падаю. Из зеркала на меня смотрит мой КОТ с округлившимися глазами!

Я не понял? Я что – уже не я, а кот? Как такое возможно? Пытаюсь что-то сказать, а получается: «МЯУ». Что же это такое? Надо что-то делать срочно, мне же на работу надо! Блин, а нога-то как чешется, попробовал лапой – никак, а зубами вгрызся в шкуру и такой кайф! Чесотка прошла, блин, а противно-то как себя зубами кусать, ещё и шерсть к языку прилипает, фу, бррр.

Чего это я о таких мелочах? У меня, понимаете ли, проблема: вон моя тушка лежит на полу возле холодильника, вроде дышит, но не шевелится.

– Что же делать, что делать? – говорю сам себе, а из пасти вылетает только: «Мяу, мяу!»

Жесть! Это что же я умер и стал котом? Да нет, тело то дышит, значит, я не умер. Блин, как же ходить неудобно на четырех лапах, да еще хвост этот мешается, то дергается, аж задницу заносит, то между ног путается. И главное, так сильно хочется спать, не зря говорят, что коты спят по восемнадцать часов в сутки.

Ладно, пойду попробую по себе родному потоптаться, авось разбужу и все опять станет как прежде. И в этот момент в комнате заорал мой мобильник, я опрометью бросился к нему, прибежал, чуть в лапах не запутался, главное не думать с какой лапы начинать бежать, а то точно добежать не получится. Хватаю, значит, мобильный, а получается, что взять то никак, только со стола скинул, ладно хоть не разбил, и телефон упал экраном вверх. Смотрю, Мишаня звонит, я по экрану лапой и так, и эдак, еле-еле получилось сдвинуть эту штуку на экране, и из трубки сразу понеслось:

– Димон, ну ты где? Шеф рвет и мечет, а тебя все нет? Когда будешь?

– Мяу, мяу, мяу, – ору ему в трубку, – выручай, мол, меня.

– Димон, хорош кота тиранить, лучше приезжай быстрее, – и отключился.

Вот так всегда, Мишаня никогда долго не разговаривает, а главное он меня и не понял сейчас, да и я сам бы не понял. Ладно, пойду все-таки попробую на тушке своей попрыгать, авось растолкаю. А жрать то как хочется, аж в животе сводит.

Подхожу, значит, я к себе, лежащему на полу, а вокруг корм кошачий рассыпан, принимаюсь: «Фууу, воняет то как!» И чего всем котам это так нравится? Попробую, жрать то хочется. Ну, лизнул одну подушечку, ммммм, а вкусненько. Я и сам не заметил, как схмячил почти все, что просыпано мной было. Блин, это что же я совсем в кота превращаюсь... Нет, надо меня будить. Ну, залез я на себя лежащего, попрыгал немного, поорал в ухо, не получается.

– Блин, жуть какая-то, придется ждать прихода родителей.

Пошёл к себе на кровать. Только я, значит, глаза закрыл, ну а чего, все равно ничего сделать не могу, так хоть поспать немного, как вдруг слышу, в замке ключ поворачивается. Я опрометью к двери, вылетаю в прихожую и... Торможу, как будто в стену врезался, аж задние лапы подлетели. А в дверь вваливается моя сестрица, целуясь на ходу с каким-то молокососом.

– Ты че творишь, мяу-мяу, ты же в институте должна быть, мяаау-мяаау, и это ещё кто такой? – пытаюсь сказать я.

А она меня так ногой отодвигает и говорит своему:

– Опять Димон кота не покормил, подожди, я сейчас, а то орать будет. – Ладно, Цезарь, пошли, накормлю.

Это значит кота нашего так зовут, тьфу ты, уже меня значит. Идем на кухню, а я ехидненько так хихикаю, ну мурлычу, я то знаю, что сейчас будет. Приходим на кухню, и она как заорет, я хоть и готов был, но от крика все равно шуганулся под стол, а пацаненок влетает на кухню, бледный такой, ну правильно, Наташка орет, у меня шерсть дыбом встала, да и тушка моя возле холодильника валяется.

– Это что? – говорит этот прыщавый пацан и тычет в меня лежащего пальцем.

– Скорую вызывай и вали отсюда, пока тебя родители не увидели, а я маме позвоню, – прокричала Наташка.

Скорая на удивление приехала быстро. Сначала пытались меня в чувство привести, ватку под нос тыкали, по щекам лупили, и все-таки решили меня в больницу везти. Загрузили меня, значит, на носилки и потащили вниз в машину, хорошо нести недалеко, первый этаж все-таки.

Я за врачами в машину прокрался и под носилками спрятался. Я теперь хоть и кот, но куда ж я без своего родного тела то, вот и поехал с ними в больницу и Наташка тоже с нами.

Долго не могли определить куда меня, вернее тело мое разместить, в какое отделение, но потом все-таки на лифте отправили на третий этаж. Завезли в палату, сгрузили на кровать и как будто даже забыли про меня, вернее про тело мое, так и правильно, увечий нет, будто спит человек.

Я запрыгнул на кровать, походил рядом с самим собой, хвостом помахал. И тут Наташка меня увидела, схватила и сразу под кровать совать начала:

– Цезарь, а ты откуда тут взялся, котам нельзя в больницу.

А я брыкаюсь, не кот ведь я, я же твой брат Димон, не узнаешь что ли? И тут дверь открылась, в палату оборудование какое-то вкатили и начали провода ко мне, вернее к телу моему прежнему, прицеплять. Блин, так ведь и с ума сойти можно: я и кот, но я и тот, кто на кровати с проводами, как тут не запутаться.

И ту в палату входит здоровая тетка и в таких огромных ручищах тащит кучу шприцов, и как гаркнет:

– Ща мы его оживим!

Да как сверкнёт своими глазищами, а я, вернее не тот, который в кровати, а тот, который кот, в общем уже не важно, я со страху сиганул под кровать, и шерсть вся дыбом встала. Тетка, наверное, подумала, что своим голосом мертвых оживлять может, не, ну может при других обстоятельствах, например в морге, у нее и получилось бы, но я то, который сплю, я то ещё не там.

В общем, схватила она мою лапу, блин, руку конечно, да как всадит самый большой шприц в вену, а я же с детства уколы не люблю. Вот помню, в первом классе нам прививки делали, так за мной по всей школе три учителя и две медсестры гонялись, на силу поймать смогли, и то потому, что дверь под лестницей заперта, оказалась, если б не дверь, я бы точно утек, только бы меня и видели. Ой, что это я совсем заговорился, а в это время эта толстая тетка из моей вены чуть не литр крови откачивает. Ну я, значит, тот, который кот, хвост трубой поставил, слегка холку вздыбил, когти растопырил и как прыгнул ей на ногу, зубами вонзился, когтями деру, а сам реву, как милицейская сирена.

Так я то думал она сразу убежит или хотя бы отпрыгнет, так ведь нет, спокойно так вынимает из моей руки шприц, кладет на столик в лоток, хватает меня так нагло за шкирку и, не целясь, швыряет меня в ведро и крышкой накрывает. Обидно даже, мне показалось, что я свои когти и зубы, вернее Цезаря, да простит меня любимый кот, в общем я своё оружие чуть в ее дореволюционных чулках не оставил, а во рту то как противно, наверное, даже не стирала с революции, берегла дух молодых бойцов. И главное так грозно заорала:

– Уберите это исчадие ада, а то на опыты отправлю, чтобы его там изучали.

А тем временем Натаха опять матери позвонила и говорит так нервно:

– Мам, переноску захвати для кота, а то нашего Цезаря за плохое поведение на опыты отдадут, чтоб узнать, какой длинны у него кишки.

Я как все это услышал, чуть сам с собой рядом на кровати с инфарктом не слег. Так и затих в ведре, лучше уж домой в клетке, чем под нож этой коновальше.

Вокруг тихо стало, видать тетка ушла, а я даже пытаться не стал крышку у ведра поднимать. Так мы и стали ждать родителей, я, Цезарь, в ведре, Димон на кровати, и Натаха вся в слезах между нами.

Вот так мы и дождались родителей. Мама сразу кинулась ко мне лежащему на кровати, я приоткрыл крышку ведра и тихо так начал мяукать. Отец перестал гладить маму по плечам и как-то даже слишком резко открыл крышку, схватил меня, Цезаря, и затолкал в переноску.

Потом пришел врач, сказал, что у меня, в смысле у Димона, огромная шишка на голове, ну правильно, я же шандарахнулся об пол со всего маху. Больше отклонений нет, скорее всего, сотрясение мозга и вызвало такую защитную реакцию, как непродолжительная кома. Надо надеяться, что через пару дней я смогу очнуться, и они отпустят меня домой. Но, как говорится, делать нечего и мы все отправились домой на родительском Крузаке, только все в мягких креслах, а я в клетке перевозке. И что-то мне так грустно стало, что я решил песенку спеть, ну и значит нежно, думая, залился в разных голосовых тональностях:

– МЯАААУУУ, МЯУУУУ, МЯЯЯУУУ!

Мне даже показалось, что получается душевненько так, только отец не выдержал:

– Наталья, заткни его, или в первый же зоомагазин сдам, причем бесплатно.

Натаха начала что-то бубнить мне, ну не мне, а типа коту, и почему-то стала стучать по переноске, а мне что, я и помолчать могу, могли бы просто попросить перестать петь, я же понятливый.

Приехав домой, меня все таки выпустили. Я гордо прошествовал в туалет и взгромоздился на унитаз. Видимо по привычке, то есть по Димоновой привычке, раскорячился, думая, как же неудобно то, да ещё о том, что Цезарю пора худеть и так под шесть кило раздобрел. А уж когда все случилось и струйку пустил, глаза на лоток наткнулись, вот ведь я идиот, пыжился и корячился, а я ж ведь кот, люди и для меня немного постарались. И вот сделав дела и не забыв по привычке нажать на кнопку спуска воды, слез на пол, понюхал лоток, это уже, наверное, по другой привычке. Фу, гадость какая! Лапой поскреб линолеум, показывая презрение к лотку, направился на кухню, время то много прошло, пора и подкрепиться.

Но выходя из туалета, заметил статую – это, оказывается, мой батя за всем этим акробатическим номером наблюдал, да так и застыл.

В общем, пока я харчил подушечки Вискас, прошло время, и все стали укладываться спать. А я вспомнил, что наш Цезарь всегда спит на кровати родителей, в ногах, решил, что не гоже изменять традиции, и завалился к ним на кровать, развалившись во всю длину немаленького кошачьего роста. Отец рассказал матери про то, что Цезарь умеет спускать воду в унитазе, но я уже не слушал, я забылся сладким кошачьим сном.

Проснулся я от того, что меня, в смысле кота, ногой отец с кровати спихнул, и сразу обидно так, Димона то в больнице точно никто ногами с кровати не спихивает. Блин, что за чушь в голову лезет, уже за кота думать начал, вернее, как кот.

Ну, делать нечего, поплелся на кухню. Прихожу, а миска пустая, я даже возмутился, это что же родители такие, меня, сына своего, без еды оставили, а если бы я ночью проголодался? Я со злости и затынул свое уже полюбившееся МЯЯЯУУУУ на весь дом. Так ведь подействовало! Все встали, пришли, корма насыпали, отец даже за ухом почесал. Мне понравилось, ведь он меня, Димона, сына своего, так за ушком не чешет, а кота вот, пожалуйста. Опять! Вот ведь беда, я точно в кота превращаюсь! И зачем мне, Димону, чесать за ухом? Надо срочно что-то делать! А что тут сделаешь, когда ты кот и из всех возможностей у тебя только усы, лапы, хвост, правда еще и поорать можно.

В общем, через час в доме только я один и остался, прошел по комнатам, все посмотрел, лапы полизал, опять полон рот волос, хотел плюнуть – не вышло, так и проглотил все. В моей комнате все осталось нетронутым, даже мобильник все еще на полу, видимо, даже на работу не удосужились позвонить. А где-то через часик, слышу, дверь входная открывается. Я из-за угла выглядываю, а это опять сестрица с тем же прыщавым в квартиру вваливается и опять целуются.

– Разувайся и проходи. Что будем сначала? В комнату или чайку попьём? – спрашивает сестрица своего.

– Пошли сразу в комнату, – говорит этот недоросль прыщавый.

И чего она в нем только нашла? Проходят в комнату, Натаха меня, в смысле Цезаря, ногой в мою же комнату отодвигает и дверь прикрывает, наверное, не хочет лишних свидетелей, а прыщавый ее уже за все места лапать начал.

Я встrepенулся от такой наглости, дверь лапой толкаю, никак, без рук сами бы попробовали. Пришлось прыгать до ручки, только с пятого или шестого раза ручка поддалась, и дверь приоткрылась. Я вылетаю из комнаты и несусь к Натке, а там уже вздохи и ахи, этот крендель уже с неё блузку снял и к замку лифчика примеряется. Ладно, хоть по обоюдному согласию, как я вижу, Натаха сама млеет, но я же, как брат, не могу такого допустить, что бы при мне моя сестра полюбовничала.

Ну ничего, щас я вам устрою! Бегу в прихожую, смотрю – его башмаки стоят. Я на них и устроился! И как напрудонил ему в башмак! Встаю рядом, осматриваю то, что сделал – хорошо получилось! Теперь надо, чтоб они увидели. Хватаю зубами за шнурок и тащу к Натахе в комнату, останавливаюсь посередине, усаживаюсь возле этого самого уже испорченного башмака и как заору зверским голосом:

– МЯАААУУУ!

Они оба аж подлетели на кровати. Этот прыщавый хватает башмак и выливает из него прямо на пол то, чем я его наградил, а Натаха решила меня схватить, но не тут-то было, я же был готов к ее реакции.

Несусь в сторону кухни, а там, а там дверь закрыта! И в этот момент меня подкидывает от врезавшейся в мою, вернее в Цезаря, задницу тапочка, и я врезаюсь головой прямым в дверь... И темнота... Хорошо хоть искры из глаз не посыпались, а то пожар мог устроить.

Открываю я глаза, сажусь на кровати, а сам за лоб держусь, больно чего то. А с меня проводки отваливаются, и приборы как-то странно пищат. Тут в палату врачи влетают и давай

у меня пульс мерить и давление, а один, видать самый главный, в глаза фонариком тыкать стал, а у меня одна мысль в голове: «Я снова прежний Димон». Лежу и улыбаюсь, как блаженный.

И в этот самый счастливый для меня момент, в палату влетает та самая толстая медсестра, в дореволюционных чулках, меня сразу с кровати, как ветром сдуло. Стою в углу и тихо так в ее сторону шиплю. Главное не привыкнуть, ведь я же уже не кот.

А потом родители приехали, шмотки привезли, и мы домой отправились.

Дома Натаха нас встречала и радостно мурлыкающий Цезарь, он от меня даже отходить не хотел, видать сроднился.

ЭПИЛОГ

Кота своего я после этого случая никогда не обижал, жили мы дружно, а Натаха со своим прыщавым Валериком через год свадьбу сыграли. **ВОТ ТАКАЯ ИСТОРИЯ!**

КОНЕЦ

Лабиринт судьбы

Проснулся я сегодня от собственного крика. Вот уже третью ночь мне снится один и тот же сон, и сон этот странный, и как страшный кошмар, меня преследует.

Так, чего это я? В общем, начну сначала.

Зовут меня Валера Шлаков, мне 37 лет, работаю менеджером в одной строительной компании и продаю стройматериалы оптовым покупателям. Родителей, к сожалению, уже нет, а наследство от них мне досталась трехкомнатная квартира в Москве, в которой я и проживаю.

И вот не так давно я, идя с работы, столкнулся с одним старичком, который сидел на тротуаре и просил милостыню. Я без задней мысли достал мелочь из кармана, хотя никогда не подаю, а вот здесь рука сама потянулась в карман. Я достал всю мелочь, рублей восемьдесят, и высыпал ее всю в кепку деда, лежащую перед ним прямо на асфальте, и в этот момент дед поднял на меня глаза и проговорил, вернее я его услышал у себя в голове, хотя губы его не шевелились:

– Судьбу свою в лабиринте найдешь.

– Прости, дед, что ты сказал? – задал вопрос я.

Но дед лишь показал знаком, что он немой и слепой, я же слышал его слова и видел его взгляд.

– Эй, сынок, не приставай к деду, он и так жизнью обижен. Мало того, что был немой, так еще и слепота его уже лет десять как одолела, – проговорила старуха, что рядом зеленым луком торговала.

Ну, я махнул рукой и пошел своей дорогой домой. Через пять минут я уже и забыл об этом нищем старике и его словах.

Вечер прошел, как обычно: ужин, чай, телевизор. Живу же я один, свою половинку пока не нашел. То было некогда, учеба, работа, смерть сначала папы, потом через два года похороны мамы, она не смогла жить без отца. Потом мне просто было не до кого, а сейчас... а сейчас я, наверное, просто привык быть один на один с собой. Тот случай, когда моя девушка ушла к моему другу, научил меня не доверяться никому, а я ее и не осуждаю. Она выбрала мужчину, а не размазню, страдающего депрессией после смерти родителей. Может оно и правильно. Но а я после этого предательства завел себе пса, назвал его Герхард, звучит красиво и величаво, тем более что пса я завел породистого – Бассета Хаунда, просто он очень похож на меня: с такими же грустными глазами и слегка медлительный, прямо, как я. Так вот, в этот вечер после просмотра какого-то кино, даже не помню какого, я погулял с Герхардом, выпил по обыкновению стакан сока и завалился спать.

И вот тут-то все и началось, стоило мне только заснуть.

Открываю я глаза, и что же я вижу? Вокруг стены высотой под пять метров, старые, почти древние, поросшие травой. И я такой сижу прямо на земле, прислонившись к стене, и сижу я в каком-то тупике, как в коридоре, и коридор этот тянется куда-то вперед метров на двадцать.

Я встал, похлопал по стенам, выдернул травинку из стены. Сначала то я подумал, что сплю, но травинка и стены оказались абсолютно реальными. Делать нечего, пошел вперед, не сидеть же на одном месте. Дошел я, значит, до конца стены, а там поворот и мало того, что поворот, так он еще и делится на три, и куда дальше? Пошел в средний, ну и, конечно, зря, там оказался тупик. Вернулся, пошел в правый и знаете, хорошо, что не быстро пошел. Не успел пройти и десяти шагов, как впереди из стен вырвался огонь, да не просто огонь, а прямо испепеляющая магма. Я со страху рванул обратно на этот перекресток, перекрестился и рванул налево, прошел метров сто и снова перекресток, а главное, пока никаких проблем не возникло. Я подумал, наверное, не зря мне мой дед говорил «иди всегда налево», так вот я вам скажу, старые не всегда правы. И выяснил я это уже за поворотом. Стоило мне повернуть налево и

сделать десяток шагов, как я почувствовал неладное, наверное шестым чувством. Оборачиваюсь и вижу, что на меня летит здоровенное бревно, все утыканное деревянными и остро заточенными шипами. Я разворачиваюсь и бегу, бегу со всех ног от надвигающегося на меня шипастого орудия смерти. Но то ли я недостаточно быстро бежал, то ли ужас сковал мои ноги, а может бревно слишком быстро летело на меня. В общем, столкновения моего несчастного тела с этим шипастым бревном избежать не удалось.

И вот когда стыковка все-таки произошла, и острые шипы вонзились в мое тело, разрывая мою плоть и пронзая меня насквозь, и ужас от понимания неизбежности пронзил страхом мой мозг, пришло понимание того, что это конец. И в этот момент я умер, и сердце мое перестало биться, пронзенное деревянным шипом...

В этот миг я с криком проснулся. Герхард, лежащий у меня на спине, резко дернулся и, слетая с меня, оцарапал своими мощными когтями мне спину до крови. Я сел на кровати весь в липком поту – приснится же такое?!

И через пару минут на тумбочке зазвонил будильник, взрывая утреннюю тишину своим звоном. Не люблю электронные будильники и пользуюсь всегда старым дедушкиным будильником, который каждый вечер нужно заводить.

– Ну что, Герхард, сейчас умоюсь и пойдем гулять, – говорю своему, как-то странно посматривающему на меня, псу.

Встаю и иду в ванную. Снимаю мокрую от пота майку и замечаю на ней несколько пятнышек крови, значит, Герхард все-таки меня поцарапал, а глядя в зеркало, вижу у себя на груди несколько точек, как будто маленькие шрамы от давних царапин. Странно, вроде бы раньше их не было. Ладно, не важно, и тут же про них забываю.

Погоуляв с собакой, а потом, позавтракав, спокойно собираюсь и иду на работу. И день пошел своим размеренным чередом, про ночной кошмар я и думать забыл.

Вечером, все как всегда, погулял с псом, посмотрел телевизор, не забыв при этом пару бутылочек пивка усугубить, и лег спать. Стоило мне заснуть, как я опять очутился в том же лабиринте, а почему в том же? Да потому что! Открыл глаза: сижу у стенки, а в трех метрах я мертвый на шипах из дерева висю, вернее вишу, ну не важно, главное –дохлый я рядом, и я живой на это смотрю. Просто жуть! Я тряхнул головой – вдруг это наваждение пройдет... Но, увы, не прошло. Рядом по-прежнему я мертвый, насаженный на шипы из бревна. Я осмотрел и ощупал себя живого и отправился прочь от этого ужаса.

– Ну что за на хрен! – вскричал я.

Иду, значит, я иду, поворот за поворотом, и конца и края этим поворотам нет. И вдруг до меня доносится рычание, мне даже показалось, что мне привиделось. Я остановился и прислушался... да нет, привиделось. И в этот момент я оборачиваюсь назад и вижу в метрах в двадцати от меня... Ааааааа, о, ужас, что это?

– Мама, роди меня обратно, – вырвалось само из моей груди.

Передо мной стоит двухголовый гепард, ну или леопард, мне было все одно, главное, что он смотрел на меня двумя парами глаз, тихо рычал, а из двух огромных и устрашающих пастей стекала слюна. Вид этой зверюги не внушал ничего хорошего! Зверь двинулся на меня! Сначала шаг в мою сторону, а я соответственно шаг назад, потом зверь сделал еще два шага вперед, а я два шага назад. А потом, потом он не шагнул, а бросился вперед на меня, а я бросился от него наутек.

– Помогитееее! – ору во все горло и бегу, петляя по поворотам лабиринта.

Но силы то чувствую не равные, ведь, кто с кем решил поспорить и померяться силам! Я – простой, нормальный парень, который вроде бы и не хилак, но и спортом давно не занимавшийся, и эта бешеная зверюга, которая, мне кажется, даже усталости не чувствует.

И вот, заворачивая в следующий поворот, а значит и в очередной коридор, я врезаюсь в стену и понимаю – это тупик. Это все, смерть моя пришла! Поворачиваюсь на сто восемьдесят

градусов, прижимаюсь к стене и вижу в пяти метрах от себя эти две клацающие клыками пасти. Осматриваюсь по сторонам, видимо машинально, чтобы запомнить место смерти моей, а сам шкрябаю по стене ногтями, чувствую, руки мокрыми стали, видимо, совсем в кровь разодрал. И понимаю, жить осталось пару секунд, и разорвут на части мое бедное молодое тело эти острые клыки. И взгляд мой, мечущийся по сторонам от страха, натывается на дыру в стене, и как это я ее сразу не заметил? А там... там лицо молодой женщины, и шепчет она что-то. Я прислушался, а она мне говорит:

– Падай, бросайся наземь.

– Что? – спрашиваю я.

– Падай, дурак, если жить хочешь! – уже кричит она мне.

И в этот момент зверюга бросилась вперед, на меня, и я, доверившись незнакомой девушке, тоже прыгнул вперед, плашмя на землю. Но не понимаю, как такое возможно?! Я упал, но земли не коснулся, а провалился сквозь нее, в воздухе перевернулся спиной вниз и увидел, как зверюга врезалась головами в стену, не поймав меня, только зубы посыпались в разные стороны.

И в этот момент я проснулся весь в липком поту, изо рта немой крик, а Герхард рядом с кроватью стоит и рычит, глядя куда-то в стену. Тряхнув головой, посмотрел на будильник. Утро уже, пора вставать. Я встал с постели и пошел в душ, пустил холодную воду, что бы охладиться, потому что все тело горело, а на пальцах все ногти обломаны и все в крови. Я не понимаю, что это со мной, спать же ложился, все было нормально, не уж то лунатизмом заболел? Ладно, вечером подумаю, а сейчас пора гулять с Герхардом и на работу.

День тянулся невероятно долго, я весь извелся, пока дождался конца рабочего дня. Весь день у меня из головы не выходил образ той девушки из лабиринта, хотя может и не девушки, а молодой женщины. На вид ей было не больше двадцати пяти, ее глаза так и стояли передо мной, они меня заорожили. И только стрелка часов упала на шесть вечера, я как ошпаренный выскочил из конторы. Выбежал на улицу и остановился, а какой смысл торопиться? На улице светит солнце, спать все равно еще рано. И вообще, это же всего лишь сон. И чего я так завелся?

– А ну их, эти сны, – в сердцах сказал я вслух, махнул рукой и отправился домой, уже не торопясь.

Дома меня, как всегда, встречал довольный Герхард, виляющий своим хвостом. Я взял поводок, и мы отправились на пруд на прогулку. Потом мы зашли в магазин прикупить вкусняшек к ужину. Домой вернулись, когда уже совсем стемнело.

Я включил телевизор, лег на постель и незаметно заснул. А открыв глаза, оказался опять в лабиринте. Как всегда, сижу у стены, а рядом лежит та самая тварь с двумя головами. Я резко вскочил и кинулся к дыре в стене, надеясь там увидеть ту женщину, о которой я думал весь день. Мои ожидания оправдались! Только я заглянул в эту прореху в стене, я сразу увидел ее, сидящую возле противоположной стены.

– Девушка, вы меня слышите? – крикнул я ей.

Она открыла глаза, посмотрела в мою сторону, не видя меня сонными глазами, но уже через мгновение подскочила и бросилась ко мне.

– Вы кто? Как вас зовут? Как вы здесь оказались? Давно вы здесь? – сыпала она вопросы, а у самой слезы по щекам ручьями текут.

– Меня зовут Валера, я третий раз попал сюда. А как вас зовут? – спросил я.

– Я Лика, вернее Анжелика, я здесь уже четырнадцатый день, вернее ночь, – ответила она, размазывая слезы по щекам.

Я смотрел на нее.

– Спасите меня, пожалуйста, я не могу больше здесь! – взмолилась она.

– Так, Лика, идемте вдоль стены, и как она закончится, мы встретимся, – проговорил я и сразу направился вдоль стены.

Мне показалось, что Лика мне что-то крикнула, но я уже не услышал, я уже бежал бегом. Добежав до конца стены, я не обнаружил Лики, и решил завернуть за стену и бежать ей на встречу, здраво рассудив, что девушки не так быстро бегают, как мужчины. Но добежав до той самой дыры в стене, и каково же было мое удивление, когда я, глянув в эту дыру, увидел с той стороны Анжелику...

– Как такое возможно? Как мы поменялись, не встретившись? – вылетели у меня вопросы в пустоту.

– Валера, я же вам кричала, что все бестолку. Мы не сможем здесь быть вместе, лабиринт этого не допустит.

Я не понимал, как такое возможно.

– Лика, а вы из какого города? – спросил я.

– Из Москвы, хотя на самом деле приехала из Новосибирска к подруге и просто осталась в Москве, – ответила она.

Мы сидели с разных сторон стены и просто болтали ни о чем. И тут вдруг меня ужалила пчела, и с той стороны взвизгнула и Лера.

– Пчелы! Валера, надо двигаться, лабиринт не даст нам покоя, – закричала Лера.

– Я придумал! Я сейчас пролезу к тебе через эту дыру. И как я раньше не догадался? – крикнул я и полез сквозь стену.

И когда я уже наполовину был с той стороны, я увидел глаза Леры полные ужаса. Она прошептала:

– Ты сейчас умрешь, лабиринт не позволит...

Продолжения я уже не услышал, просто в стене исчезла дыра, в которой я был, а соответственно мое бедное тело перерубило пополам.

И в этот момент я проснулся! Майка прилипла к телу, я был насквозь мокрый от пота. Правая рука была опухшая, и в центре опухоли явно был виден пчелиный укус, и жало торчало из кожи.

День выдался сумасшедший! Столько клиентов еще не было за один день, да еще начальство люет, даже на обед не отпустили, ладно хоть на полчаса раньше разрешили рабочий день закончить. А у меня, как назло, все из рук валится, перед глазами лицо Лики все в слезах стоит.

И снова мы с Герхардом на пруд пошли гулять. И вот уже когда собрались домой идти, мне показалось, что я увидел того самого деда. Он сидел на раскладном стульчике, сидел и просто на воду смотрел. Пока Герхарда дозвался, поворачиваюсь, а деда уже нет, как будто и не было. Странно как-то это все. Ну и ладно. И мы с Герхардом отправились домой. Поужинали, я как всегда включил телевизор и лег на кровать киношку смотреть. Так и заснул.

А проснулся, как всегда, сидя у стены, а рядом лежит два тела, вернее полтора, потому как половинка моего тела осталась с той стороны стены. Тело же Лики было все искусано дикими пчелами и было все раздуто. Вот только я не увидел живой Лики, и сначала подумал, что еще рано, но время шло, а она не появлялась. Прошло два часа, я весь извелся и был уже на грани нервного срыва. Я просто закричал в пустоту:

– Лабиринт, сволочь, верни мне ее!

– Я здесь, Валера, не кричи, – услышал я за спиной голос Лики.

– Ты здесь! Мы смогли, Лика, смогли! – запрыгал я от счастья.

– Что смогли, Валера? – недоуменно спросила Анжелика.

– Ты что не понимаешь? Мы обманули лабиринт! Ты сама говорила, что здесь в одном месте быть двоим нельзя, – радовался я.

– А ведь ты прав! Как я сама не додумалась, – проговорила Лика.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросил я и сам же ответил на свой вопрос. – А это значит, что мы сможем его еще раз обмануть и выбраться из него.

И я от радости поцеловал Лику прямо в губы. Я сам не знаю, как это получилось, и она мне ответила, ответила жарким поцелуем. Мы стояли и целовались. И в этот момент буквально в полуметре от нас ударила молния, прямо в землю и хлынул ледяной дождь. Мы побежали вперед, потому что глянув на небо, мы увидели одинокую тучку над нами, из которой стеной лил дождь, и сыпались молнии, хотя вокруг светило солнце. Мы бежали со всех ног, петляли по этому лабиринту, но все равно холод от дождя сковывал мышцы, силы были на исходе. Мы становились. Мы просто встали и свалились на пятую точку, потому что ноги уже не держали. И в этот момент дождь прекратился, и засияло солнце, но согреться мы никак не могли. Но на этом наши проблемы не закончились.

Дождь закончился всего десять минут как, и мы услышали за нашими спинами шум. Обернулись и увидели, как стена закрыла проход, через который мы сюда попали. Из этой стены от земли до самого верха стали выдвигаться стальные шипы, даже колья. Их было сотни и все длинной не меньше полуметра. Мы встали и хотели подойти и посмотреть, что это такое, но стена сдвинулась с места и стала надвигаться на нас. Мы, не сговариваясь, попятнулись, а потом и побежали, потому что стена стала набирать скорость движения.

– Метров через сто поворот направо, видишь? Туда и нырнем! – крикнул я. Но в этот момент мы увидели, как проход задвигается другой стеной, преграждая нам путь. А стена с шипами стала двигаться еще быстрее и готовая нас проткнуть сотнями штырей.

– Прыгаем и падаем плашмя на землю! – заорала Лика.

И со следующего шага мы одновременно прыгнули вперед и плашмя. Должны были брякнуться о землю, но мы просто провалились в темноту.

Я проснулся от того, что рухнул с постели на пол, чем сильно напугал Герхарда, и он залился громким лаем. А у меня в голове была только одна мысль: «Ну почему я такой идиот? Почему я не спросил адрес у Лики или хотя бы номер телефона?»

Я встал, умылся, позавтракал и покормил Герхарда. Мы с ним сходили на прогулку. В общем, утро, как утро, но мне так и не давала покоя одна мысль: «Ну почему я у нее не спросил адрес?» Не бегать же по всей Москве, разыскивая ее.

Ладно, пора на работу. Я собрался и пошел к себе в контору. И что мне принесет новый день? Ничего, главное доработать, а там видно будет.

– А вдруг мне не приснится этот лабиринт? Вдруг мы больше не встретимся? – проговорил я сам себе, не замечая, что говорю это вслух, и люди на меня оборачиваются.

Нет, надо завязывать расклеиваться, а то и работы не будет, вот только вопрос: вот как она мне так запала в душу? И не найдя ответа, я перешагнул порог своей конторы, и как всегда все мысли сразу улетучились, и меня закружил водоворот звонков, клиентов, совещаний.

Я не мог дождаться вечера, когда я могу увидеть Лику. Время шло, я пялился в телевизор и не видел, что там показывают, и как-то незаметно провалился в сон. Открыл глаза, как всегда сидя у стены, и передо мной стоит моя Лика.

– Здоров же ты спать, уже полчаса на тебя любуюсь, – заявила она мне.

– Лика, я тут подумал, а может на стену залезть и посмотреть, где выход? – предложил я.

– Нет, нет, и нет! Я пробовала, только все руки изрезала. Там сверху на стенах приклеено битое стекло, – огорченно ответила она.

Но я же упертый! Я же не могу просто так, мне надо все испробовать. И через секунду я уже карабкался вверх по дереву, растущему рядом со стеной. Добравшись до верха, я снял свой ботинок и стал крушить и мельчить стекла, но когда залезал, то все равно все руки изрезал. Но это стоило того. Перед нами, буквально за поворотом, был выход из лабиринта.

– Ура, Лика, мы рядом! – закричал я и практически скатился по дереву вниз.

Но радовался я недолго. Раскаленная лава, которая текла по коридору, разделила нас с Ликой: она была прижата к одной стене, а я – к другой.

– Лика, не стой! Бежим вперед! За поворотом выход, я тебя не отпущу! – закричал я и припустил вперед.

А лава, словно почуяв то, что ее добыча хочет ускользнуть, стала наступать еще быстрее, сжигая все на своем пути. Мы повернули одновременно и успели схватиться за руки. Нам осталось всего метров двадцать до ворот, как эти самые ворота пришли в движение. Ворота стали закрываться, но не справа и слева, а сверху и снизу, просто стали двигаться плиты навстречу друг другу. Мы побежали еще быстрее, хотя и так неслись, как знатные рысаки. И вот добежав до этих ворот, я с разбегу отправил в этот проем Лику, но самому уже не хватило инерции. Лика кричала с той стороны: «Быстрее, быстрее!».

Я отошел немного назад. Лава догоняла и обжигала своим дыханием. И в этот момент я увидел небольшой выступ на стене, вернее неровность, которая извивалась снизу вверх по стене. Я, не думая, разбежался и прыгнул! Сначала ногой на выступ, а оттолкнувшись от него, бросил свое тело между закрывающимися створками ворот. Перекатившись, я вывалился с той стороны, но до земли не долетел. Мою рубашку плотно зажали створки этих каменных ворот, и я просто повис в воздухе. Наконец, рубашка треснула и порвалась, не выдержав мои девяносто кг., и я свалился, как мешок картошки на землю. Лика подбежала ко мне и помогла встать, а вокруг не было ничего: ни земли, ни неба, ни стен, просто белый свет. Мы обнялись, и наши губы встретились... и в этот момент я открыл глаза, сидя в своей постели.

ЭПИЛОГ

Утром я примчался к Лике! Хорошо, что я спросил у нее адрес. Больше мы не расстаемся, я не представляю жизни без моей Анжелики. Сейчас у нас сын, ему уже годик, и он обожает играть с Герхардом. Мы ходим гулять на наше озеро, где встретили того самого старика. И он нам сказал: «Лабиринт не лжет, он сплетает судьбы». Но больше мы этого старика не видели. Да он нам и не нужен. Главное, что мы с Ликой вместе.

Другой мир

Часть первая

Ну почему сейчас так ярко светит солнце, почему так сильно режет глаза, ведь я только – только заснул. И вообще, что это за топот? И почему он мешает спать уставшему мне? Приоткрываю один глаз и тут же жмурюсь от яркого солнца. Я не понимаю, почему так жестко и пахнет травой, ведь я лёг спать дома в мягкую постель, и сейчас должна быть зима, дома точно не должно пахнуть свежей травой. Открываю глаза и понимаю, что бедный, я, лежу на жесткой земле, вокруг высокая трава и мне в лицо летят... не может быть, это же копыта лошади! Вскрываю, и ведь вовремя, а то бы моя бедная голова была бы растоптана гнедым

жеребцом, а на жеребце... ммм прекрасная амазонка.

Я даже оторопел и замер на неопределенное время, наверное, на вечность. Она прекрасна: волосы цвета спелой пшеницы, из-под длинных и пушистых ресниц на меня смотрят глаза яркого летнего неба, такие синие, что в них можно утонуть. А фигура... ммм... грудь крепкая, торчком, хоть и небольшая, бедра твёрдые и аппетитные, скрытые под обтягивающими кожаными брючками, а талия... талия как тростинка, и все это в белоснежных кружевах, кроме штанишек.

И в этот момент на меня, на шею, накидывают и стягивают петлю, словно лассо на мустанга, я прихожу в себя и осматриваюсь.

Мама родная! Да этих валькирей вокруг аж восемь, а я стою перед ними в одних трусах, а в голове одна мысль: «Хорошо хоть свежие».

В итоге меня связали по рукам и ногам, засунули какую-то тряпку в рот, так как я начал сильно возмущаться и, кинув меня поперек лошади, куда-то повезли. Ехали долго, и я даже смог немного вздремнуть, я ведь совсем не спал, и подумал, что буду решать проблемы по мере их появления.

А ждать оказалось недолго. Меня скинули с лошади и оттащили в огромную палатку, сшитую из непонятной ткани. Она искрилась, и было такое чувство, что была прозрачной изнутри, но непроницаемой снаружи.

Меня кинули на кучу из шкур каких-то неизвестных мне животных, и даже не потрудились развязать. И оставили так лежать одного. А в голове мысли путались, я не мог понять, где я и почему я спал на земле? И вообще, почему сейчас лето, что происходит, и как я сюда попал? И кто эти девушки? Хотя должен признать, что девушки одна краше другой. А кстати, когда меня скидывали с лошади, я увидел ещё человек двадцать и ни одного мужчины, вокруг одни девушки и все примерно одного возраста.

А тем временем за стенами палатки голоса все усиливались, сразу видно, что спорят и, похоже, спорят обо мне. Я стал прислушиваться. И волосы стали шевелиться у меня на голове. Одни хотели меня убить и куда-то отвезти в назидание другим, вторые – желали немедленно использовать меня по назначению, а третьи – вообще предлагали сначала использовать, а потом убить. Ой, мама! Что же здесь твориться? А жить то как хочется, бедному мне!

А ведь я самый обыкновенный парень, летом закончивший институт, и вот только что устроившийся на работу в одну контору простым программистом.

И вдруг на улице все стихло, кто-то отодвинул полог у входа в палатку и...

Заходят в палатку три красотки, одна краше другой, все светловолосые, высокие и фигуристые, прям как на подбор. А главное, остановились и смотрят во все свои голубые глаза на меня, валяющегося на шкурах в одних трусах, связанного и с кляпом во рту. И в этот момент

мой предатель, в этих самых трусах, начинает поднимать голову, наверное, что бы лучше рассмотреть красоток. Я даже заерзал и замычал от безысходности.

И тут одна подходит ко мне, присаживается на корточки, вынимает кляп из моего пересохшего рта, и мило так заявляет, глядя мне в глаза:

– Хорошо, я согласна, но только при условии – я буду первой.

Две других, молча, просто повернулись и вышли, оставив нас наедине с Первой. Я, правда, пока не понял, хотя сомнения зародились.

И вот, значит, лежу я на шкурах и слова сказать не могу, хоть и кляпа уже нет. А она, я её так и назвал для себя – Первая, распутывает мне ноги и, отойдя на пару шагов, начинает раздеваться, а сама так и крутится вокруг своей оси, словно танцует, я даже аж сначала обрадовался. Ну, думаю, в рай попал, хоть и умирать не собирался. Блузка улетела в сторону, а под ней шикарная грудь, манекенщицы отдыхают, и ведь все натуральное, а она продолжает и медленно так снимает свои штанишки, а под ними... Не, ну спереди все, как надо, а сзади такой маленький, но пушистый хвостик, как у зайки. Я просто дар речи потерял, хоть и молчал, но все же... Даже мой предатель голову далеко – далеко спрятал.

И вот эта красотка, оставшись совсем голяком, идет на меня, а из глаз аж искры сыпятся. Не, ну поймите мое состояние, я все еще связанный и на меня надвигается искрящий мутант с хвостом, хоть и надо признать, довольно симпатичный мутантик, да ещё и голый.

Откуда только силы взялись: вскакиваю и бегу к выходу из палатки. Слава богу, ноги развязали, наверное, чтобы трусы снять можно было. Выбегаю из палатки, а там перед входом, в полукруге, с дюжину таких же сидит красавиц, видимо очередь заняли.

Я через них перепрыгиваю и бегу, не разбирая дороги. Слышу: погоня за мной, все кричат, чувствую, догоняют, а во рту совсем засуха началась, дышать нечем. Ну, думаю, все – совсем хана. И тут вылетаю из кустов и... чувствую, не бегу – лечу. И точно! Лечу со скалы в пропасть, хорошо, хоть внизу вода оказалась. Оказывается, это я с водопада сиганул на полном ходу. Ну, думаю, совсем хана, руки – то все ещё связанные. Кое – как выгреб на другой берег, смотрю, а красотки наверху стоят и ругаются на чем свет стоит, но ни одна за мной не прыгнула.

Обрадовался я, значит, и быстрее в лес – спрятаться от них. Хорошо, хоть жажду утолил в реке, нахлебался водицы.

Долго брел по лесу, часов шесть, а ведь все босиком. Ну, думаю, влип я по самые помидоры, и тут голос из-за дерева:

– Тормозни, родной, куда торопишься?

Я и застыл, как истукан, а ведь не видно же никого, да и темнеет.

А день то уже действительно к закату клонится, вечереет однако, а тут еще этот голос из ниоткуда. Стою, озираюсь, а самого ветерок холодит, ведь в одних трусах бегаю, как спринтер, да еще со связанными руками. И тут вижу дерево поваленное, а на нем мужичок сидит, перед ним костерок небольшой горит, и тушка какого-то животного, что-то типа небольшого зайца, жарится. И как я его раньше не приметил? Ну, делать нечего, подхожу, здороваюсь, а он мне сразу в лоб так говорит:

– Ты от кого так бежишь, да еще в таком виде?

– Сам не знаю, – говорю ему и прошу, чтоб руки развязал, а то совсем затекли.

– Ладно, иди ближе, развяжу. Меня, кстати, Вельветом кличут, а ты кто будешь?

– Серега я, Анежкин.

Развязал он меня, одеяло какое-то дал, ну, чтоб укрыться, холодать же стало и к костру пригласил. Да и кусок мяса протягивает, говорит, мол, голодного и расспрашивать совестно.

Ну, я мясо то ем, а сам рассказываю, мол, так и так, девки какие-то хвостатые поймали, по рукам и ногам связали, да изнасиловать хотели, да еще и в очередь выстроились.

А мужик мне так на полном серьезе:

– Ты, милоч, мне поподробнее про самочек этих расскажи, как выглядят и сколько их.

Ну, мне что, я рассказываю, что девки то уж дюже красивые, фигуристые, и личико милое, и грудь налитая, а глаза синее самого синего моря, но говорю, недостаток у них один есть. Как одна то разделась в палатке догола, да как крутанулась на месте вокруг себя, а у нее чуть ниже спины, там, где ягодички начинаются, хвост имеется пушистый такой, хоть и не длинный, аккурат сантиметров двадцать, не меньше. И тут смотрю на мужичка, а он с бревна скатился, за живот держится от смеха, значит. А мне обидно стало, чего это он надо мной ржет истерично, спрашиваю:

– Ты че, мужик, я ведь и в ухо зарядить могу.

А он встает, слезы шапкой утирает и сквозь смех так мне:

– погоди парень, сейчас успокоюсь, и ты все узнаешь.

А сам флягу достает, мне протягивает, ну выпить, значит, предлагает, а я же за всегда готов, в институте чего только не пили. Вот, значит, подношу флягу то ко рту, рот открываю, а сам на мужичка смотрю, и глаза мои размером с фляжку становятся, чуть не выскочили. У мужика уши нестандартные, слегка вверх вытянутые и сверху, словно кисточки из шерсти, ну прям как у белки. Ну, думаю, влип, ладно хоть хвоста не видно, а в мозгу мысль такая, надо выпить и побольше. Ну, я половину этой самой фляги и опустошил зараз. Флягу ему возвращаю, а у самого руки тянутся потрогать, значит, эти самые кисточки на ушах. Так мужик как это увидел, подскочил с дерева, нож выхватил и зашипел на меня:

– Ты чего удумал, демон малолетний?

Я аж испугался, меня впервые демоном назвали.

– Не бойся, Вельвет, просто уши у тебя странные какие-то, – говорю я.

– Уши как уши, у других и таких нет, а ты сразу хвататься.

А сам нож убрал и обратно на бревно присаживается. И говорит:

– То, что ты из другого мира, это я по виду твоему понял, больно ты зашуганный какой то, да и шуплый для нашего народу.

Тут он сигареты достал, мне предложил, да и сам закурил и продолжил:

– Знаю я магичку одну, она за лесом живет, она точно поможет, только вот дорога к ней через стоянку Пушинок идет, аккурат через тех, от которых ты и бежишь. Они не злые, не думай, просто мужиков у них нет, вот и отлавливают по одному, для продолжения рода, а так как все хотят, потому и в очередь к мужику выстраиваются, а какой мужик выдержать такое сможет. Ну, пойми, созревают они быстро, и живут долго, лет до трехсот, а рождаются только девки. И чем старше становятся, тем хвосты больше и длиннее отрастают, поэтому длиннохвостые Пушинки людям не показываются, а с потомством возятся. И жизнь у них тоже не сахар, охотятся на них Демоны, ну вроде тебя, безволосые, для утех своих отлавливают и в рабынь превращают.

Выпили, значит, мы еще из фляги. Мужик смотрит: меня развезло совсем, я не ел ничего целый день, а тут сразу пол фляги осушил, да потом еще прикладывался, и говорит мне:

– Давай-ка спать укладываться, завтра пойдем к магичке, до нее аккурат полтора дня ходу, и она тебя домой отправит.

Ну, я где сидел, там и повалился возле бревна, и накрыла меня темнота непроглядная, и заснул я, наверное, прямо в полете до земли сырой.

Проснулся я от громкого стука, думаю, что же так противно стучит. И... мама дорогая, это ж я зубами стучу от холода, замерз совсем, а солнце только- только выползть начало. Ну, вскочил, значит, начал прыгать, бегать, разогреться же как-то надо. Тут мужик подходит, что-то мне протягивает и говорит:

– На-ка, примерь, а то так по лесу ходить совсем нехорошо, еще увидит кто, стыда не оберешься. Я на себя глянул, а ведь и правда, в одних трусах да по лесу – срамота.

Беру, значит, шмотки, а сам за ним наблюдаю. А он подходит к потухшему костру, что-то тихо проговорил, и костерок опять загорелся, причем сам собой. Он веток подкинул и мясо

оставшееся подогреть начал, да руками его не трогает, тушка сама на костре поворачивается – странно все это. Ну, значит, натягиваю штаны мне даденые, а они коротки, мужик то ниже ростом, ну, думаю, не страшно, буду, как в бриджах ходить. Рубашка тоже мала, но делать нечего, зато тепло и не голый. Завязываю шнуровку на груди, подхожу, значит, к костру в таком развеселом виде. Вельвет смеется, встает и рукава у меня на рубашке отрывает, стало даже прикольно, а сам рукава оторванные, значит, в мешок прячет, говорит: «Магичке отдам. Она их назад пришьет». Ну, типа, не зря же она его полюбовная, ну, типа, связь у них, а я смотрю на него, а в глазах его аж туман появился, как о ней заговорил.

Так и пошли, мужик с ушами нормально одетый, и я в бриджах и в жилетке.

Идем долго, разговариваем о всяком, а мужик мне опять флягу тянет. Я то думал, она пустая со вчерашнего вечера, беру в руки, а она опять до краев. Смотрю на него, а он улыбнулся и отвечает мне на незаданный вопрос:

– Дак, она же не пустеет, магичка моя постаралась, только думала, что для воды, а я с дури туда первый раз наливку налил, так вот теперь наливка есть всегда.

Так потихоньку мы и подошли к той самой речке, в которую я сиганул с обрыва, и ведь обрыв то в метрах пятидесяти. Ну, думаю, опять водные процедуры, а мужик за руку меня тащит от воды подальше и шепчет так потихоньку, словно боится спящего разбудить:

– В воду не лезь, сожрут, в воду нельзя.

А я, как дурак, улыбаюсь и говорю:

– Да я вчера вон с того обрыва от ваших Пушинок сиганул и сюда переплыл. И ничего, не сожрали, только рыбки маленькие крутились вокруг меня.

А он посмотрел на меня, как на идиота и сказал:

– Вот они и сожрали бы, жуть, маленькие, а прожорливые.

И пошел, молча, прочь от обрыва, я за ним, так и прошли метров триста. И вдруг дед остановился и издал какой то горловой звук, похожий не то на рык, не то на вой, и... Из чащи леса с той стороны реки что-то просвистело, аккурат между нами, и я увидел – это была стрела с привязанной веревкой. Стрела воткнулась в дерево, и веревка сразу натянулась в струнку. Мужик не медля запрыгнул на веревку и пополз на ту сторону реки. Деваться некуда, дождав-шись того, когда он спрыгнул на той стороне, я последовал за ним тем же способом. Хорошо хоть, река была в этом месте не сильно широкой, но к концу переползания по веревке, мои руки горели огнем. И вот, когда я спрыгнул на землю, я мгновенно оказался в крепких, но нежных объятиях одной из прекрасных Пушинок. Хотел вырваться, но подошедший Вельвет спокойно положил мне руку на плечо и проговорил:

– Не дергайся, это две милые сестренки, плохого они не сделают. Мы у них переночуем, за небольшую плату, только деньги им не нужны. Им мы нужны, и делиться они не любят...

И вот я прыгаю на лошади, сидя за спиной одной из Пушинок, той, которая помоложе, держусь за ее талию, а сам аж млею, у нее просто волшебное тело. И так мы ехали часов пять, никак не меньше. Уже начало смеркаться, когда мы остановились на маленькой полянке посредине леса, на которой были натянуты две палатки в рост человека. Я и моя спутница спрыгнули с коня. Я не удержался и повалился на землю, от острой боли в ляжках, было такое ощущение, что мои мышцы держали в натянутом состоянии все это время, а потом резко отпустили, и ноги подо мной просто подломились. Моя спутница улыбнулась и сказала:

– Это с непривычки, ты, небось, никогда на лошадях не ездил. Ничего, скоро отпустит, а завтра еще немного поболит и пройдет. Ползи к костру – погрейся.

Я осмотрелся вокруг, костра нигде нет, только пепелище по центру поляны между палатками.

– А костер то где?

И тут моя Пушинка рукой махнула, и вместо пепелища затрещал костер, отправляя в небо яркие языки пламени. Они тут, что все волшебники, подумалось в моей голове, а сам потихоньку подполз к огню, и так мне хорошо стало, только вот есть хотелось жутко.

Вельвет кинул мне флягу и скрылся за деревьями. Появился он минут через двадцать, неся в руках двух зайцев, но только зайцы странные какие-то, с длинными клыками на нижней челюсти. Вельвет их профессионально разделал, и только поднес к огню, как они стали уже готовы к употреблению, мгновенно покрылись золотистой корочкой и прожарились внутри. Мы с удовольствием накинулись на мясо, а во время поедания этих зайцев я заметил, как на меня посматривает моя спутница. Кстати, ее звали Селен, и она не просто так смотрела, а начинала ерзать своей прекрасной попкой по пенечку, на котором сидела.

Ужин закончился, и Вельвет удалился со своей напарницей в одну из палаток, оставив нас одних с Селен. Мы сидели и, молча, смотрели на костер, пока Селен не выдержала и сказала:

– Пошли, я покажу, где ты будешь спать.

Мы прошли во вторую палатку. Она накидала шелковистых шкур и предложила мне устраиваться. Я склонился над шкурами, снял свою импровизированную одежду. И в этот момент заметил, что Селен уже вся без одежды, нежно гладит меня по спине. Я повернулся, а передо мной, мягкий и плоский животик. Мои руки сами легли на него и двинулись вверх к манящим бугоркам развитой, но небольшой груди. Селен тихо выдохнула воздух, когда я сжал ее твердый сосок. Она подалась ко мне всем телом, и мой взгляд опустился чуть ниже ее животика, а там ммм... расстреляйте меня фашисты, там такой нежный, гладкий, совсем без намека на растительность, лобок. Ее нижние губки были плотно сомкнуты, и я не удержался. Я сделал то, что от себя совсем не ожидал. Я их поцеловал и попытался их раздвинуть своим языком, и... и мне это очень понравилось. Они у Селен оказались такими сладкими, что я не мог от них оторваться. Я целовал и лизал их, входя в раж, а Селен стонала с каждым моим прикосновением.

А потом мы повалились на шкуры, и целовались как умалишенные, но я все время смотрел на вход в палатку, боясь, вдруг нас услышат и кто-то войдет.

– Не бойся, – сказала она. – Я наложила заклятие тишины, и нас никто не слышит.

Я провел рукой по ее округлой попочке и... мама, хвост!

– Прости, он у нас появляется только в момент желания и близости с мужчиной, уверяю, он нам не помешает, – прошептала Селен.

Мы занимались любовью невообразимо долго. Мы меняли позы, ее хвостик то щекотал мои ноги, то ласкал мою грудь, и мне это даже нравилось. Но всему приходит конец, и под утро я просто уже не мог поднять своего измученного дружка, и мы, обнявшись, заснули. Но перед тем, как провалиться в теплые объятия Морфея, Селен проговорила, засыпая:

– Я подарю тебе подарок.

Проснулись мы, когда солнце уже стояло почти в зените. Селен вскочила и, как будто опомнившись, практически прокричала:

– Собирайтесь и бегите, ведь все, что чувствовала я сегодня ночью, чувствовали и мои соплеменницы, и я так думаю, что они уже несутся сюда. Я люблю тебя, беги мой милый.

И мы с Вельветом побежали, и побежали изо всех сил, ведь мой напарник тоже не спал со своей спутницей, и времени тоже даром не тратил. Мы бежали долго, через лес и через поле, и вот снова лес впереди, а за деревьями видна небольшая избушка.

– Это дом моей магички, нам бы только дотянуть.

А за нами уже были слышны звуки погони. Мы бежали из последних сил. И вот, наконец, спасительная дверь в избушку, которая сама отворилась, приглашая вовнутрь дома. Только мы забежали, дверь с глухим стуком закрылась и превратилась в стену, как будто и не были двери вовсе.

Мы встали посередине огромной комнаты и, тяжело дыша, стали осматриваться, а ведь снаружи изба казалась раз в десять меньше. За столом сидела женщина на вид лет тридцати, уступающая по красоте моей Пушинке, но тоже очень милая.

– Проходите гости, давно жду, не думайте о погоне, я щиты выставила.

Тут же из воздуха на столе появились бокалы с приятно пахнущим напитком. Я уже даже не стал узнавать, что это, а просто припал к спасительной влаге, ведь во рту после такой пробежки царила засуха, и как будто язык прилип небу.

– Что, опять девок соблазнили? Ну, ты то понятно, Вельвет, ты хоть местный, а вы то, молодой человек, всего два дня у нас и уже так влипли, ай-яй -яй, нехорошо,– укоризненно покачав головой, проговорила она. – Надо вас срочно возвращать обратно, а то чую я, что быть беде. Ладно, помогу я вам, так и быть, тем более вижу, что подарок вы уже получили.

Я так и не понял, о каком подарке она говорила, ну, да и бог с ним, главное – домой попасть.

И вот, стою я перед ней и снимаю все шмотки, что подогнал Вельвет, оказывается, как пришел, так и должен уйти. Ну, остался я значит в одних трусах, ладно я их в палатке не забыл у Селен, а ведь мог, собирались то в спешке. И тут магичка Вельветова, как взялась вокруг меня круги нарезать, да что-то распевать, подвывая, аж ветер поднялся, да такой, что меня до костей пробирать стало. Зажмурился я, а как глаза открыл, вижу – лежу на своем диване, дома, за окном, как положено, зима, а у меня балкон открыт и в комнате дубак такой, что я чуть не околел.

Вскочил, дверь на балкон закрыл и на кухню чайник ставить, ну, чтоб согреться, значит. А у самого мысль из головы не выходит, о каком таком подарке все говорили? К зеркалу подхожу и... что за хрень, вокруг левого соска татуировка в виде сплетенных в венок пушистых хвостиков. И когда только Селен умудрилась ее сделать?

Дотрагиваюсь до орнамента на груди, а в голове так сразу: «Позови меня». Я в испуге руку отдернул. А потом опять рука, как будто сама, потянулась. Дотрагиваюсь до татушки, значит, и снова в мозгу голос Селен: «Позови меня». Ну, а что? Взял и громко так говорю:

– Селен, я жду тебя!!!

И снова порыв ветра, и предо мной прямо из воздуха появилась она, моя милая Селен. И бросилась мне на шею, тихо так шепча:

– Я знала, что ты поймешь, ты мой избранный.

ЭПИЛОГ

И вот прошло уже восемь лет, как мы живем с моей Селен вместе в моем мире. Она родила нам двух прекрасных девочек, которых мы очень любим.

И знаете, мне очень нравится хвостик моей любимой, который появляется у нее только в момент нашей близости, и мне кажется, что я уже не могу жить без него.

Часть вторая

Однажды, придя с работы, я по обыкновению, повесив куртку в прихожей, влетаю в комнату, где как всегда меня ждет моя любимая Селен. Влетаю и понимаю, что что-то в доме изменилось. И вроде бы все-то же самое: и комната все та, и милая сидит и смотрит в окно, сложив ладошки на подоконнике, но не встает меня встречать и в доме тишина. А ведь и правда в доме тишина, и навалилась как-то сразу тишина, и давит на уши отсутствие веселых криков наших деток.

– Селен, что происходит? Милая, ты не больна?

А она лишь только плечиком поводит, и со слезами обнимает и в плечо мое, уткнувшись, плачет и не может остановиться, а я только и могу, что гладить ее по нежным волосам и успокаивать:

– Не плачь, родная.

А сам стою, не понимая, что происходит, может я обидел... Потом она отходит от меня и начинает, молча, накрывать на стол.

– Селен, где девочки?

– Они у твоей мамы, она их забрала на дачу. Пусть свежим воздухом подышат.

– И все-таки скажи, что происходит, и почему у тебя глаза на мокром месте?

И Селен тихонько садится ко мне на колени, отложив и ложки, и тарелки...

– Любимый, только не ругайся, но я так соскучилась по сестрам, и так соскучилась по своему народу. Может, ты возьмешь отпуск, и мы с тобой вернемся к нам на Минтар, ну хоть на чуть-чуть, а то прошло уже целых восемь лет?

– Мой милый ангелочек, моя Пушиночка, да я и сам хотел тебе это предложить, тем более, что отпуск мне подписали уже с завтрашнего дня.

Селен с моих колен, как ветром сдуло. Она от радости даже не знала, за что взяться, то ли меня кормить, то ли целовать.

А потом мы допоздна сидели и решали, что же нам завтра прикупить, каких подарков взять с собой, чтоб никого не забыть и не обидеть. Ночью, лежа в постели, Селен так нежно меня целовала, так ласково гладила татуировку у меня на груди, и так легко и невесомо она дотрагивалась до меня своим пушистым хвостиком, и все это так меня возбудило, что мы занимались любовью почти до утра. И лишь с первыми лучами солнца, мы опустошенные и счастливые заснули в объятиях друг друга, и провалились в объятия Морфея, словно в нежную и воздушную вату.

Проснулись мы одновременно, как будто кто-то нас в бок толкнул. Селен сразу развила бурную деятельность, и после завтрака, схватив список с необходимыми будущими покупками, потащила меня по магазинам, приговаривая, что до вечера нам надо все успеть купить.

Мы бегали по магазинам целый день до вечера, моя прекрасная Селен летала как на крыльях, а я носил сумки и любовался своей и только моей Пушиночкой.

Вернулись домой мы уже, когда стемнело, а значит, на Минтаре было раннее утро, и нам пора отправляться в путь.

Мы встали перед зеркалом. Я взял клетчатую китайскую сумку типа баула, куда запихнул все подарки, купленные нами за день. Моя любимая Пушинка расстегнула на мне рубашку и приложила свою ладошку к своему же подарку, к татуировке у меня на груди, и на мгновение стало темно и холодно, а через миг мы уже стояли на открытой поляне, залитой ярким солнцем.

Вот так всегда, как говорится: «Вы нас не ждали, а мы приперлися». И почему никого нет, и нас никто не встречает? Стоим тут на поляне, как два тополя на Плющихе. Ну, стоим и стоим, значит, я с баулом и Селен вся такая красивая. Уже собрались тащиться пешком с тяжеленным баулом с подарками, как нас из-за кустов кто-то позвал, причем совсем с другой стороны, чем,

куда мы направиться хотели. Моя Пушинка обернулась и тихо завизжав, запрыгала на месте от радости, увидев одну из своих младших сестер.

– Милая сестра, а где же все, я думала, что нас встретят?

– Мы все хотели прийти тебя встречать, но все отправились на праздник, а мне велели вас дождаться и догонять, ведь праздник без вас не начнется.

– А что за праздник то такой, раз вся семья туда поехала?

– Не вся, в деревне остались дети и старшие няньки. У нас тут такое творилось... ооо... долго рассказывать. Лучше поехали, а то нельзя молодых ждать заставлять.

– Так кто женится то?

Но сестра моей Пушиночки только улыбнулась, вспорхнула в седло и сказала:

– Сами все увидите.

Ничего не остается, Селен вскочила в седло белоснежной кобылки, а я, значит, сунув руки в ручки баула и водрузив его, как рюкзак, полез на гнедого рысака. Ох, как же я не люблю ездить верхом, лучше бы на машине, но тут, блин, их нет. Вот такой веселой троицей мы и двинулись в путь. Ехали небыстро, можно сказать в свое удовольствие, про меня, правда, так не скажешь, но ведь пешком и с баулом было бы еще хуже.

И вот мы, значит, едем так себе, едем, мои Пушинки весело щебечут о своем, а я все по сторонам смотрю, и кажется мне, что направление то знакомо мне, вроде бы был я уже здесь, только давно, изменилось все. Часов несколько ехали, смеркаться стало, а впереди журчание воды слышно, ну, вроде, к речке подъезжаем, а сам думаю, привал бы устроить. И тут меня как будто услышали.

– У речки привал устроим с ночевкой, отдохнем, поедим и поговорим.

Блин, а чем же они всю дорогу занимались, не замолкая, как будто песни пели, ведь болтали без умолку и на меня даже ни разу внимания не обратили. А я, навьюченный баулом, думал, что упаду сейчас с рысака от бессилия, умру и поминай, как звали, спина то совсем отваливается, да и пятую точку об седло натерло так, что, наверное, месяц на ней сидеть не смогу.

Наконец, остановились. Я свалился с седла на землю родную, да так и застыл на карачках, разогнуться то не могу, девочки сумку с меня сняли, помогли распрямиться и как взяли меня отчитывать, мол, сумку то на лошадь перед собой надо было положить, а не на себя взваливать. Блин, а раньше нельзя было сказать, ведь, ни разу на меня не посмотрели за всю дорогу.

Мне сделали массаж, уложили на мягкую хвою, заботливо уложенную в виде матраца. И пока я отдыхал и наслаждался покоем, моя милая Селен успела смотаться в лес и вернуться с двумя тушками толи зайцев, толи сурков, а ее сестренка разожгла костер и приготовила деревянные шампура, на которые были заботливо надеты цельные

освежеванные животные.

Мы втроем поставили две палатки, и пошли к костру поужинать. Мясо было великолепно. Пока мы ели, я жадно поглядывал на свою жену, и заметил, как из ее штанишек сзади стал показываться ее прелестный пушистый хвостик. Ммм... я понял все без слов, и, оставив трапезу и пожелав сестричке сладких снов, схватил мою милую в охапку и потащил в палатку.

Зайдя внутрь и застегнув за нами полог, я накинута на Селен, как вампир на жертву, как лев на ягненка, как... да неважно как! Мы срывали одежду друг с друга, мы сладко целовались, катаясь по полу, ее хвостик щекотал меня и возбуждал до предела, и... и мы соединились, слились, это было как в первый раз! Давно у нас не было такого неистового секса! Мы занимались им, пока не обессилили, а потом мы прижались друг к другу и сладко провалились в нежный и волшебный сон.

Проснулись мы, когда сестренка Селен уже стала возмущаться и стучать по палатке, мол, ехать пора, а мы все спим, и мясо совсем пересохло на огне – будем завтракать мясными суха-

рями. Мы оделись, вышли из палатки, улыбнулись друг другу, и моя ненаглядная Селен покраснела от игривого взгляда на нас своей сестренки.

А потом мы сложились и отправились дальше. Оказывается, за то время, пока нас не было, через реку возвели мостик, узенький, но вполне крепкий.

Мы, вскочив в седла своих лошадей, двинулись дальше. Баул я водрузил перед собой, ехать так было намного комфортнее, ведь на спину ничего не давило, и то радует. Ехали не торопясь, а я уже давно понял, что едем мы к избушке Вельветовой магички. И вот, наконец, впереди показался уже знакомый лесок, там, за кромкой леса и должна быть маленькая, но такая просторная избушка магички.

Мы подъехали к лесу, и нам навстречу вышла толпа народу, мои Пушинки аж подпрыгнули на своих лошадях от радости. А потом было веселое приветствие. Здесь были не только Пушинки, но и представители других, неизвестных мне, народов и Рас. Например, были сородичи Вельвета с такими же беличьими ушками, были маленькие толстенные человечки, полностью покрытые мехом и много-много других. Оказалось, все эти представители были друзьями и родственниками Вельвета и его магички, к слову сказать, она оказалась принцессой народа Сил – это самый немногочисленный народ, но самый сильный магически. Ее, кстати, имя сложно произносимое, поэтому все к ней обращаются просто Кара, а весь праздник затеян по случаю соединения (бракосочетания) Вельвета и Кары, в общем свадьба. Вельвет, как меня увидел, так сразу утятил к своим собратьям и, усадив за стол, налив полный бокал из его любимой фляжки, начал расспрос о нашей жизни в другом мире.

Так, в свадебной суете, мы провели весь день до вечера, а когда небо озарилось яркими вспышками салюта, произошло нечто, а именно: маленький пушистый медвежонок подкатил к Каре и, резко выбросив руку, кинул в нее что-то, похожее на небольшой светящийся шарик. Принцесса застыла, и даже среагировать не успела, как моя милая и любимая Пушинка, моя ненаглядная Селен, в мгновение ока перехватила шарик и в тот же миг

просто испарилась, как будто ее и не было вовсе.

В этот момент маленький мишка встрепенулся, как будто сбрасывая с себя наваждение, сел прямо на землю и заплакал, а я, подлетев к нему, схватил и что было сил, встряхнул, как куклу:

– Рассказывай, что это было.

Но он только и повторял:

– Демоны, Демоны, Демоны.

Повторял как заведенный, а в руках держал записку. Принцесса Кара, выхватив ее, велела отпустить и не тряссти этого маленького мишку.

Раскрыв записку, Кара прочитала: «Кристалл знаний в обмен на принцессу».

Как же так? Мою Селен украли вместо магички Кары, надо что то делать! И пока я метался по поляне и скулил, как раненый зверь, Кара сняла заклятье с этого круглого куска шерсти и велела рассказать все, как было.

Этот, значит, пушистый колобок пошел нарвать цветов для своей возлюбленной и не заметил, как отошел далеко от поляны, и тут его прямо из-за дерева схватили и грубо прижали к стволу сосны. Когда он через пару секунд пришел в себя, то увидел красные глаза демона, прям как у этого, и показывает на меня. Главное, хотя я, конечно, знал, что в этом мире меня считают демоном, вернее похожим на демона, потому что у меня здесь глаза красного цвета, без белков и зрачков, просто ярко алые.

Все вокруг смотрели на меня, как на вселенское зло, блин, как быстро переменилось мнение...

– Кара, скажи, что все это значит, и что это за Кристалл знаний такой?

– Это не просто Кристалл, это сосредоточение магии и знаний всех народов, и тот, кто владеет этим Кристаллом, станет самым могущественным магом. Мы охраняем Кристалл уже

много веков, а Демоны за ним охотятся, потому, что Демоны не очень сильны в магии, но очень амбициозны и хотят поработить все наши народы, поэтому нам и приходится его скрывать.

– Ладно, с Кристаллом все понятно, но где теперь моя Селен?

Я спрашиваю, а в душе кошки скребут, я не представляю, что делать, ведь я в этом мире тоже Демон. И я не представляю, что делать. Но, глянув на Кару, я понимаю, что у нее уже родился план, как вызволить мою Пушиночку.

– Хорошо, мы вернем Селен, мы сможем! Я даже не думала, что Демоны пойдут на такое! – в сердцах вскричала Кара. – Вельвет, готовься, мы отправляемся в путь, еще возьмем с собой Милу, нам нужна будет магия трех!

– А как же я? Я иду с вами, – возмутился я.

– У тебя нет магии, ты можешь пострадать, – возразила Кара.

– Я иду с вами! – воскликнул я.

– Хорошо. Вельвет, готовьтесь, через час отправляемся, а я пока создам копию Кристалла, – сказала Кара и ушла к себе в избушку.

Вокруг нас все стали расходиться, а мы с Вельветом и Милой стали готовить походные сумки, складывая туда не только еду, ножи, веревки, но и какие-то пузырьочки с разными жидкостями. Вельвет сказал, что это специальные боевые зелья. Кстати говоря, Мила-это та самая сестричка, которая нас встречала на поляне.

Так прошел час и, когда мы уже были готовы, из домика вышла Кара, неся в руках светящийся голубым светом Кристалл, размером не больше куриного яйца. Она аккуратно положила его в специальную коробочку и вручила мне – для хранения.

Потом мы все четверо взяли за руки. Кара что то начала шептать, я посмотрел на Вельвета и Милу. Они, закрыв глаза, тоже безмолвно двигали губами, будто что-то шепча. И снова нас окутала тьма, а через мгновение мы оказались стоящими на берегу маленького ручейка, а недалеко были видны стены огромного замка.

– Это замок Харка – короля Демонов. Они наверняка Селен перенесли сюда, – сказала Кара.

Мила сразу отошла от нас и стала просматривать замок своим ментальным зрением, на уровне магических потоков. Через несколько минут Мила сказала, что Селен находится в северной башне, а в тронном зале проходит, видимо, совет Харка – там много демонов и все громко о чем-то спорят.

Видимо и нам надо не торопиться, а присесть и выработать план спасения Селен. Правда, в голову ничего не приходило, мысли путались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.